

ЖИЗНЬ ЦЕРКОВНАЯ //

СЛУГИ ГОСПОДНИ

Александр Петрович Степанов – Саратовский губернатор в 1835–1837 гг.

РАЗГОН

Первым под напором власти пал Нижне-Воскресенский монастырь, который находился недалеко от Криволучья. В 1828 году саратовский губернатор князь Александр Борисович Голицын дважды посещал «Иргизы», пытаясь склонить их обитателей к принятию единоверия. При первом посещении в начале весны переговоры ни к чему не привели. При втором – 14 июня – Голицын собрал всех Нижне-Воскресенских иноков (62 человека) и прочитал им несуществующее секретное положение правительства об уничтожении всех Иргизских монастырей, если те не пожелают принять единоверие. Так, обманом ему удалось получить от монастырского настоятеля Адриана подписку о принятии единоверия.

Известие об этом взволновало Иргиз. В Верхне-Спасо-Преображенском монастыре (сегодня на его территории находится санаторий «Пугачёвский») немедленно был созван собор, который отлучил от общения отступников от веры. 50 старообрядцев из Криволучья предъявили Адриану требование отказаться от своего намерения. Многие из Нижне-Воскресенских иноков и бельцов бурно протестовали, а некоторые из них, опасаясь преследования, вообще покинули обитель. Под давлением старообрядческой общественности 29 июня Адриан послал князю Голицыну письмо за подписью 29 иноков и бельцов с просьбой вернуть подписку, однако тот вопреки своему слову отказал им. В октябре Адриан, не способный и не имевший сил устоять в неравной борьбе, отказался от должности настоятеля и на его место был избран Никанор.

Между тем губернатор арестовал пять иноков Нижне-Воскресенского монастыря, а потом и единственного его священника. В январе 1829 года репрессии продолжались: «воскресенцев» стали по одному вылавливать из обители и забирать в рекруты. Уступив насилию со стороны князя Голицына, Никанор окончательно согласился на принятие единоверия и сумел склонить к этому часть иноков, хотя и осознавал, что идет вопреки своим убеждениям.

Активных противников обращения, не согласившихся принять единоверие, во главе с иноком Прохором (до 60 человек)

Мы продолжаем очередную краеведческую эпопею. На этот раз – о церковной жизни Балакова и о его церковнослужителях. В прошлом номере мы познакомили вас с теми, кто служил в балаковских церквях – Троицкой и Христорождественской – в 1830-е годы. На этот же период приходится начало разгона Иргизских старообрядческих монастырей.

губернатор велел удалить из монастыря. Они были либо отданы в солдаты, либо сосланы в Сибирь. В обмен за принятие единоверия Никанор просил у князя Голицына отпустить восемь человек, жителей обители, содержащихся в этот момент под стражей. Однако тот просьбу не выполнил.

Известие о согласии Никанора принять единоверие привело крестьян соседних селений Мечетной (будущего города Николаевска, теперь Пугачёва) и Криволучья к волнению. В марте в Криволучье собирались тайные сходки, на которых произносились пламенные речи с целью возмутить старообрядцев и подтолкнуть их к активному противодействию.

Однако ничего не вышло. 27 июля император Николай I утвердил доклад Синода об обращении Нижне-Воскресенского монастыря в единоверие. В октябре тихо прошло освящение обеих (бывших старообрядческих) церквей. Старообрядцы молча подчинились.

Между тем в народе появились фальшивые указы о дозволении строительства раскольничьих часовен и беспрепятственного отправления в них богослужений по старой вере. На этом указе раскольники построили целую систему пропаганды и противодействия миссионерам, проповедникам православия и единоверия. Пропагандистов секли розгами, сажали в остроги, ссылали, но вместо них появлялись новые, и Поволжье бурлило непереставаемыми смутами. В то время в Саратовской области проживало почти 63,5 тысячи раскольников, причём крестьян, которые традиционно считались самыми отсталыми, всего около 12 тысяч. Справиться с такой огромной армией раскольников, среди которых было немало богатых и влиятельных людей, за короткий срок было никакой возможности.

Это утверждение решил опровергнуть новый саратовский губернатор Александр Степанов. Адьютант генералиссимуса Суворова, храбрый вояка, он в первые же дни своего губернаторства пообещал завершить начатое дело по искоренению раскола и привести раскольников «к общему знаменателю».

После инспекторской поездки по Заволжью он сообщил в Петербург, что, по его убеждению, Средне-Никольский монастырь, что находился в двух с небольшим километрах от города Николаевска (к тому времени слобода Мечетная уже была переименована в город Николаевск), может быть приобщён к единоверию «без всякого со стороны раскольников противословия и без отлагательства времени».

Отзыв этот доложен был государю, который, дав изволение на обращение монастыря в единоверческий, повелел оставить при нём все земли и угодья как средства к содержанию. Епархиальному же архиерею и гражданскому губернатору вменялось в обязанность «распорядиться по общему совещанию негласно и с должной осторожностью...»

С важной миссией на Иргиз были посланы архимандрит Высоковского монастыря Зосима с братией (Высоковский монастырь был одним из первых единоверческих в России, находился в Нижегородской губернии, в 70 км от города Макарьева), саратовский протоиерей Гаврила Чер-

нышевский (отец писателя-демократа Николая Чернышевского) и пристав Константиновский.

8 февраля 1837 года они явились в монастырь с десятью солдатами и двумя унтер-офицерами. Но старообрядцы, видимо, были заранее предупреждены о надвигающейся грозе. Из окрестных сёл сбежалась защищать монастырь огромная, в несколько сот человек, толпа. Люди заявляли, что «не допустят отдать церковь к единоверию, хотя бы даже до пролития крови...» Уговоры оказались напрасными. Исполнители воли начальства удалились ни с чем.

На следующий день они снова двинулись к монастырю с более внушительной командой: 24-мя понатыми, 25-ю солдатами, унтер-офицерами и двумястами жителями, собранными на подмогу. Монастырские ворота оказались запертыми, а за стенками их ожидало до 500 человек, которые не расходились и не собирались отдавать своей святыни. Исполнители снова отступили от монастыря.

«Лёгкое» дело оказалось не из лёгких. Необходимо было принимать «сильные меры». Послали с нарочным эстафеты губернатору и архиерею, обложили монастырь караулом из православных, для чего к прежним понатым было прибавлено ещё 400 человек, и стали ждать распоряжения из «губернии».

16 февраля из Саратова прискакали новые чиновники: советник Зевакин и исправник Микулин. Но и эта «подмога» ничего не смогла сделать. Целых две недели десятки чиновников и сотни понятых безуспешно старались привести в исполнение Высочайшую волю относительно монастыря. Епископ Иаков, потеряв терпение, попросил своего приятеля, жандармского офицера Быкова, съездить на Иргиз, посодействовать обращению монастыря. Однако и его миссия не увенчалась успехом. Наконец 21 февраля в Николаевск явился сам губернатор, которого встретили торжественно.

Несмотря на то, что приближался вечер и свита не советовала губернатору начинать «дело», Степанов приказал ввести в монастырь и пустить в «работу» понятых, которых было до 800 человек. Он велел им силой вытаскивать раскольников за ограду монастыря. Понятые приступили к делу, но, встретив сопротивление, принялись жестоко бить попадавших им в руки. Особой жестокостью отличались саратовские жандармы. Люди кричали от ужаса и боли.

«Началась свалка, – писал впоследствии историк Даниил Мордовцев. – Не было выведено и половины «бунтовщиков», как темнота превратила свалку в какую-то рукопашную битву. Понятые смешались с раскольниками и, не распознавая друг друга, схватывались со своими же. Из монастыря вытаскивали тех, которые сами были согнаны, чтобы вытаскивать других. Шум и отчаянные голоса избиваемых были слышны в Николаевске и всполошили всё городское население. Раздался набатный звон. Набат поднял всех на ноги. Почти весь город бросился на помощь монастырю: одни верхом, другие пешком, третьи в санях. Так что даже в Николаевске было ощущение ужаса.

Юрий КАРГИН

Продолжение следует.